

А. Г. Шарафутдинова

**СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЫ ИРАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ИХ ОТНОШЕНИИ К ПРЕПОДАВАНИЮ ГРАММАТИКИ
И ЛЕКСИКОЛОГИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА
(лингводидактический аспект)**

Представлена авторская интерпретация положений, применяемых к образованию глаголов словосложением, подчеркнута необходимость исследования проблемы методами и приемами палеолингвистики, с охватом цельнооформленных и затемненных композитов, в контексте исторических связей языков разных семей.

Ключевые слова: языковые контакты, палеолингвистика, лексика, заимствование, зиджин, креол.

A. Sharafutdinova

**COMPOSITE VERBS OF IRAN BACKGROUND
IN SOME RESPECTS TO GRAMMAR AND LEXICOLOGY
OF TATAR LANGUAGE**

The article represents the author's interpretation of verbs formation by means of word composition. The necessity of researching the problem using the methods of paleolinguistics surveying integral and dark composites is underlined. The research is performed in the context of historical connection of languages belonging to different families.

Key words: language contacts, paleolinguistics, lexis, borrowing, Zidjin, Creole

Как известно, сложными принято называть слова, образовавшиеся словосложением как одним из способов словообразования, состоящим в морфологическом соединении двух **ИЛИ** более корней (основ) [1].

В соответствии с логикой своего исследования на тему «Тюркеко-иранские языковые связи (на материале лексики и морфологии татарского и таджикского языков)» подобные компоненты мы привыкли:

1) делить на исконные и заимствованные, заимствования, в свою очередь, — на явные (очевидно — прозрачные) и скрытые (затемненные) по структуре;

2) частеречным подходом выделять в них же именные и глагольные композиты, относить глагольные к особо затемненным и нуждающимся в специальном изучении слўчаям, полагая, что среди этих образований, в принципе должны присут-

ствовать глаголы с именной или деепричастной частями.

Что же касалось трудностей определения характера глагольного слово сложения, то они выявлялись чаще всего: в различного рода сандхи — в с остоянии звуков на морфемных швах и границе двух слов, объясняемом отчасти фонетически (ассимиляцией), отчасти во внешнем сандхи (на границе слов или компонентов сложного слова) или сандхи внўтреннем (на границе морфем); в сандхи, представляющем внешнее и внўтреннее соединение одновременно, в котором произошло стяжение и/или переразложение словосочетания вследствие диалектного или ошибочного восприятия звука, группы звуков (как в случаях **алып килу** > **а[лы]п килу** > **апкилу**, **алып бару** > **а[лы]б бару** > **аббару**, где сандхи вызвало диарезу-синкопу

согл. + гл. **лы** внутри первого компонента, ассимиляцию согласных п + б в один звонкий **б** на границе слов в результате превращения одного из полныхзначных компонентов сложного слова в суффикс, регулярно образующий глагол с характерным для бывшего полныхзначного значением. В татарском языке такие глаголы попадают чаще с суффиксами:

- **ла/-лэ**, произошедшим от ир. полныхзначно-вспомогательного **лозим**, **лозим аст** *надо, нужно, необходим*, см. англ. лозим (лозим аст) > анда-у, -рга (кирэк);

- **сыт/-сет**, его вариантами **-сат/-сэт**, **-шат/шэт**, произошедшими от ир. полныхзначного **сит** книжн. *слава, известность, доброе имя*, см. тадж. **қур** III *уничтожение, поголовное истребление* (> тат. **кыр-у**, **-ырга**; кырып-жимереп, кырып себеру, кырып салу, кырып туту **н. б.**) + ир. **сит** *слава, честь, достоинство человека* > тат. **кьерсыт -у**, **-ырга** *унижать человека моральными и физическими способами*;

- **сын/-сен**, его вариантами **-шын/шен**, произошедшими от ир. полныхзначного **сон** *счет*, см. тадж. *кямало* + тадж. **сон** [идан] > тат. **ким сан -ау**, **-арга** > **кимсен -у**, **-ергэ** *считать себя ниже, хуже других*;

- **кар/-кэр**, его вариантами **-гар/-гэр**, **-гыр/-гер**, **-кыр/-кер**, диалектными **-кыз/-кез**, **-гыз/-гез**, произошедшими от ир. вспомогательного глагола **кардан** *делать, совершать* (кстати, сохранившегося в удмуртском как **карыны**), см. тюрк., тадж. **бош** *голова, начало* + тадж. **кардан** *делать, совершать* > тат. **башкар -у**, **-ырга** *делать, совершать, выполнять* (дело, работу); тадж. **от[ил]** *негодный, непригодный, бесполезный*, тадж. **отил** *кардан* *утилизировать* (рус. утиль, утиль-сырье, утильный, утилизировать, утилизация; тат. утиль, утиль-сырье, утильэштеру) > тат. **аткар -у**, **-ырга** *быстро и с пользой продать или просто отдать кому-либо лишний товар, ненужную вещь*.

Из примеров видно, что все суффиксы такого происхождения выступают в татар-

ском языке монолитными по степени слитности частями, порой в гибридных структурах. При школьном или вузовском анализе сложных глаголов татарского языка, так или иначе содержащих иранские следы, приходится сталкиваться с фактами их пиджинизированности или креолизированности; считать основы типа эш + лозим > эшлэ -у, -ргэ, аяк + сит > аяксыт -у, -ырга > аксат -у, -ырга пиджинизированными, поскольку в них налицо тюркское происхождение первых компонентов и иранское происхождение вторых, а основы типа каг -у, -арга, < кад -ау, -арга > кад -ак + сит > какшат -у, -ырга, кад-ак лозим > кадка -у, -рга [кирэк] — креолизированными, не поддающимися этимологизации на материале какого-либо определенного языка.

Успехи онтологии (опознания) цельно-оформленного сложного имени или глагола, ныне уже воспринимающегося в татарском зачастую лишь производной основой, зависят:

- от выводимости (эндоцентризма) и невыводимости (экзоцентризма) значений и грамматических функций его компонентов (например, эти значения и функции у соединения **кьерсыт -у**, **-ырга** еще выводимы, они от полныхзначного ир. **кир** III и от полныхзначного ир. **сит**, а у **какшат -у**, **-ырга** невыводимы, так как или искажены до неузнаваемости, или находятся в плотном тумане происхождения и изначальное значение элемента **как-**);

- от типов композитов, выделяемых по характеру синтаксических отношений их компонентов, с учетом **сочинительности** (равноправности, т. е. колулятивности, их элементов, соответствия характера соединения элементов в композитах теории composite copulativa), **подчинительности** (соответствия характера соединения элементов теории composita determinative), **предикативности** (соединения в соответствии с тем, представляло ли бывшее словосочетание предикацию типа англ. лозим аст > анда -у, -рга [кирэк]), **монолитности**

прежней, **раздельности** современно) структуры (типа **талобидан** > **тэлап ит -у, -эрго**), **тематичности и атематичности** (соединенности элементов композитов интерфиксами, дефисом как в случаях торумор > тар-мар, кайфу сафо > кэф-сафа, куу кижи > аккош нэселе кешесе); соединения частей сложного целого без соединительных средств как в случаях тадж. **кайфОчок**; > тюрк. **кыпОчак** *веселый, благодушно настроенный*. В глаголах примерами смешанных соединений служат тадж. **кайфу сафо кардан** > тат. **кэф-сафа D кор -у, -ырга**, возникшие как в источнике, так и реципиенте на базе дополнительности, т.е. детерминатива. В именах — тадж. **дашти / дешти D кыпчак** > тат. **дала D кыпчагы**, где раздельность написания обусловлена посессивностью отношений между компонентами, аффикс посессивности -ы, указывает на изафетность сочетания в источнике, в реципиенте компенсирует отсутствие соединительного средства между компонентами аналитического слова.

Важно отметить в связи с вышеизложенным, что из иранских языков татарским были заимствованы в свое время все перечисленные выше типы имен и глаголов (типовые образцы, типические комбинации), то или иное (статное или раздельное) оформление которых порой было поэтапным, проходило в два — три этапа.

Например, надо полагать, что в **композице кэф — сафа кор -у, -ырга наслаждаться, ведя нередко беспечный образ жизни, эчеп — типтереп яшэу -дэн гыйбарэт ваемсыз тормыш** [5, с. 315) сперва татарским языком был заимствован именно **композит кэф — сафа** и только позже к нему приплюсован вспомогательный глагол **кор -у, -ырга**, произошедший от ир. **кор I** *дело, работа, занятие* [4, с. 192], у которого во всей полисемии (состоящей из 10 примерно контекстов) значения *дело, работа, занятие* присутствуют в качестве основных. Вероятно, что в татарском слово **кор I** сделалось вспомога-

тельным глаголом **кор -у, -ырга** тогда, когда у него в данном языке уже имелось словообразовательное гнездо из полнозначных **корылыш твзелеш, строительство, корылма строение, корылтай съезд, собрание, каралты-кура все приусадебные строения вместе взятые**. В этой связи немаловажно отметить, что в таджикском источнике **кор I** — до сих пор полнозначное слово, вспомогательным является произошедшее от него **кардан**.

Такую же поэтапность формирования сложных имен и глаголов мы наблюдаем в татарских композитах **ызгыш-талаш, ызгыш -у, -ырга — талаш -у, -ырга, скандал, шум, крик, ссора**, произошедших изначально от ир. **гавго** > **гауга ыгы-зыгы, суета, шум, каты бвхос, гавго кардан шуметь, затевать опасный спор, а то и драку, талош старания, попытки, поиски, хлопоты, беспокойство; борьба, тяжба; спор, драка,, талош кардан, стараться, попытаться, добиваться, скандалить, бороться, драться, гавгоу талош, гавгоу талош кардан**.

Факты унаследованности отдельных сложных образований татарского языка из иранских языков в качестве composite praedicatio, например, в качестве ир. лозим, англ. лозим аст > анла -у, -рга [кирэк] сохраняются в языке писателей и поэтов конца XIX — начала XX в. (Г. Исхаки, Г. Тукая и др.).

В освоении таких слож¹ых образований в татарском языке играла роль **фиксированность** порядка их компонентов, возможность-невозможность нарушения этого порядка при калькировании явления с языка на язык, калькировании с сохранением или без сохранения значений как компонентов, так и всего сложного слова. Одним из факторов, влияющих на усвоение, было ударение, главное и дополнительное, зачастую одинаковое для сопоставляемых татарских и таджикских языков.

В заключение следует подчеркнуть, что подобный сопоставительный анализ сложных имен и глаголов татарского и

таджикского языков, контактировавших в прошлом территориально (смежно, сопредельно) в рамках единой политической целостности (в системе образования, письмах, в научных школах, литературных центрах, семьях, родовых кланах, способных смешивать и «переплавлять» в единую лексику и морфологию, в единый синтаксис все, не только диалекты, но и языки), указывает на важнейшие особенности развития лексики и грамматики самих этих языков, в частности на то, что в волго-камском, среднеазиатском, сибирском, ближневосточном этноязыковом единстве III—I тысячелетий особое внимание было уделено лексике и морфологии (в какой-то мере — синтаксису) диалектов трех разных — тюркской, иранской, финно-угорской — семей.

Поэтому сегодня, предаваясь размышлениям о первостепенных задачах татарского языкознания, мы задумываемся о том, что необходимо сказать об отставании его исторических разделов (частной палеонтологии), о том, что в этом языкознании вне поля серьезных поисков находятся вопросы истории словообразовательных гнезд, в лексике — ее древние пласты.

Говорят, не хватает кадров, без которых эти проблемы срочной востребованности не будут решены, отечественная «лингвистика до сих пор в полной мере не освоила те методы и приемы исследования языка, которые были выработаны мировой лингвистической наукой, за исключением описательного и в некоторой степени сравнительно-исторического», «эта особенность... характерна для всего российского языкознания в целом», «это упущение, даже если оно свойственно всей мировой ... лингвистике, тем не менее не перестает быть недостатком» в каждом современном отдельно взятом языкознании [Кельмаков 2002: 147].

Мы вполне согласны с автором этих строк и считаем уместным добавить, при таком положении дел, каково оно в настоящее время, например, в татарском языко-

знании, кадры не появятся ни через десять, ни через двадцать лет в силу того, что ныне в Татарстане наблюдается новая волна резкого снижения уровня преподавания особенно родных языков и литературы в школах и вузах, а также очень малый объем и значимость публикаций по языковедческим дисциплинам. Принципы историзма в научности, столь нужные преподаванию языков и литературы, упоминаются в этих публикациях только ба худо (ради бога), без должной лингводидактической разработки их проблем.

В качестве примера, к сожалению, следует привести опубликованную совсем недавно статью академика Ф. А. Ганиева «Татар телендэ тезмэ фиғыльлэр» (Мирас, — 2007. № 11), в которой более или менее пристально рассмотрена только сочетательная (тезмэ как разновидность кушма), промежуточная между морфологией и синтаксисом структура глагольного словосложения в обход ее исторических, поистине сложных и трудных, графически цельнооформленных, колеблющихся слитных и парных типов. В статье как никогда дала о себе знать негативная традиция изучения татарского глагола без случаев, нуждающихся в этимологиях, реконструкции.

Автор ограничивается ролью малоопытного наблюдателя (когда он сам не слабый лексиколог), внося лишь небольшие поправки в способы познания сочетательного глагола, не прав, когда в обыкновенном стяжении **алый килу > апкилу**, не приводящем к какому-либо перераспределению ролей между модификационной (вспом. — килу) и смысловой (алып > ап-) частями, начинает видеть переразложение, вызывающее (или уже вызвавшее) коренную перестановку функций глагола из части в часть, когда говорит, что «дальнейшая судьба этой структуры, ее элемента ап-предрешена из-за окончательной стертости материальных (лексического, грамматического) значений, структурной значимости ап-, превратившегося в префиксо-

ид» (Перевод фрагмента статьи с татарского на русский наш. — *А. Ш.*).

Здесь, безусловно, ученый упускает из виду ряд общеизвестных положений, согласно которым в языках ничего ассемантического не бывает, бывают элементы, которые так или иначе изменились, закрылись, попали в «ть» какого-то другого явления, превосходящего закрывшийся элемент в каком-нибудь отношении, и как таковые подлежат восстановлению.

Вести речь в упомянутой статье о полном затмении значений и форм элемента ап-(аб-) сложного глагола апкил? было нельзя, даже если в нем ап-, как думает автор анализируемой статьи, уже префиксоид, поскольку префиксоиды тоже что-то обозначают. Кроме того, словоформы

типа апкил?, аббару — факты лишь диалектной и разговорной речи, в литературном устно-письменном языке функционируют их полные формы без стяжений и переразложений, в так называемом орфоэпическо-орфографическом и отдельном проговаривании. В этих стяжениях живы полнозначные глаголы — килде, -китте, -барды, -кайтты, -алды, -салды, -калды, -куйды и т. д., функционирующие в сложной словоформе вспомогательными (модифицирующими) частями формально и по праву (де-юре). В этих стяжениях живет показатель -п-, остающийся от деепричастия **алып** и функционирующий вместо него, закрепившись как осколок смысловой части сложной словоформы в слоге **ап-** с дополнительным ударением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В. А.* Словообразование //Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 469.
2. *Ганиев Ф. А.* Татар телендэ тезмэ фигыльлэр (Мирас ядкэре) // Мирас. — 2007. — № 11. — С. 40-45.
3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. А—Я. 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007.
4. Таджикско-русский словарь / Под ред. М. В. Рахими и Л. В. Успенской. — М.: Госиздат иностр. и национ.словарей, 1954.
5. Татар теленен анлатмалы сузлеге. Баш / Ред. профессор Ф. Э. Ганиев. — Казан: «Матбугат йорты» нэшр., 2005..
6. *Шэрэфетдинова д. Г.* Персидский пласт словарного состава татарского языка. — Набережные Челны, 1998.
7. *Шарафутдинова А. Г.* Иранизмы как древние заимствования татарского языка и глоссы ономастики. — Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003.
8. *Шарафутдинова А. Г.* Персидские аффиксы в именах прилагательных татарского языка // Наука и школа. - 1999. - № 11. - С. 81-84.
9. *Шэрэфетдинова Э. Г.* Палеолингвистика: терки-ирани тел бэйлэнешлэре // Фэн Бэм тел. — 2005. - № 4. - С.8-11.
10. *Шэрэфетдинова д. Г.* Терки-ирани тел бэйлэнешлэре назариясенэ кереш //Фэн Бэм тел. - 2006. № 3. - С. 6-14.